

**«Первый» и «второй» в образах Гюмри: опыт
семиотического анализа городского текста***

Г. Шагоян
ЕРЕВАН

Введение

Второй по размеру город советской Армении Ленинакан (ныне Гюмри) никогда не был столицей, однако тема «столичности» и претензии на роль некоего центра достаточно часто появлялись и появляются в городском общественном дискурсе¹. Положение второго, как правило, порождает претензии на место первого, и в этом смысле Гюмри не исключение. Сегодня тенденции застройки этого города во многом повторяют «ереванские принципы»² перестройки постсоветской столицы, тогда как «советский второй» должен был подчеркнута уступать первому городу³. Урбанистическая концепция советского Ленинакана ориентировалась скорее на Ленинград (эталонный для совет-

*Укороченная версия данной статьи («The Second City as the First City: the Development of Gyumri from an Anthropological Perspective») опубликована в Германии, в сборнике: *Urban Spaces After Socialism: Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities*, eds. Tsypylma Darieva, Wolfgang Kaschuba, Melanie Krebs, Campus Verlag, p. 57–79.

¹ См.: Шагоян Г.А. Очерки антропологии города, пережившего землетрясение // *Laboratorium*, 2010. № 1. P. 160–181.

² Это попытки привлечения частного сектора к застройке города, что повлекло за собой коммерциализацию урбан-пространства (строительство в основном магазинов и кафе, ресторанов) с использованием новых «глобалистических» тенденций в архитектуре (обилие металла и стекла). Причем в Гюмри большая часть сегодняшних застроек делается ереванскими строительными компаниями (например, новый жилой квартал Муш-2 был построен ереванским «Glendale Hills»).

³ См.: Паперный В. *Культура Два*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 109.

ских «вторых»), чем на Ереван («свой первый» как потенциальный конкурент)¹.

Советская иерархия поселений предполагала определенные ограничения и привилегии в зависимости от занятой поселением ступени на административной лестнице, грешившей выраженной центростремительностью (ср.: столица, город, поселок городского типа, село и т.д.). Переход из одной категории в другую наряду с несколькими показателями в первую очередь определялся численностью населения. Например, в городе население должно было быть не менее 12 тысяч, а в поселке городского типа – не менее 3000 человек². Метро разрешалось строить в городе с населением не менее одного миллиона, что, кстати, стало одной из причин искусственного быстрого расширения советского Еревана. Подобные количественные показатели давали возможность выстраивать поселения в каждой из приведенных категорий в свой иерархический ряд, где особенно значимым становились позиции первых-вторых, поскольку у них появлялся шанс подняться рангом выше. А главные первые-вторые, Москва и Ленинград, оказавшиеся на самом вершине этой пирамиды, могли соревноваться между собой, одновременно создавая модель взаимоотношений для многих столиц и следующих за ними «вторых» городов в национальных республиках.

«Вторые города» не раз становились предметом отдельных исследований, в каждом из которых выделялись те или иные свойства таких поселений³. Капитальной и достаточно популярной работой о «вторых городах» является сравнительный анализ Москвы, Чикаго и Осаки, сделанный Блэром Рублом⁴. Москва, которая советским человеком вряд ли могла восприниматься как второй город, здесь представлена в том историческом срезе, когда занимала именно эту ступень в иерархии российских городов. Однако в понимании Б. Рубла, в начале XIX века вторые города объединяло не то, что они своими масштабами уступали лишь первым, столицам, а, скорее, особенности управ-

¹ О восприятии положения Ленинкан-Гюмри в иерархии советских и постсоветских городов подробнее см.: Шагоян Г. «Ленинкан ушел, Гюмри остался»: антропология города, пережившего разрушительное землетрясение / www.levonabrahamian.am (01.02.2007); Она же. Очерки антропологии города, пережившего землетрясение. С. 168–175.

² Типы населенных пунктов // Селения. Энциклопедия населенных пунктов (www.seleniya.ru/stati/material/9/typy-naselennyh-punktov.html) (26.09. 2010).

³ Ср.: Паперный В. Указ. соч., с. 108–109; Шагоян Г. Указ. работы; Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987, с. 99–132; Blair A. Ruble. Leningrad. Shaping a Soviet City. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1990; Lessoff A. Corpus Christi, 1965–2005: A Secondary City's Search for a New Direction // *Journal of Urban History* 2008 35: 108, originally published online 6 August 2008 <<http://juh.sagepub.com/content/35/1/108>> (07.07.2010).

⁴ Blair A. Ruble. *Second Metropolis: the Politics of Pragmatic Pluralism in Gilded Fe Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka*, Cambridge University Press, NY, 2001.

ления и развития, охарактеризованные им как «прагматический плюрализм»¹. Под этим подразумевалась некая «демократичность» управления, предопределенная экономическими интересами зарождающихся капиталистических элит и прагматической толерантностью различных социальных групп в силу относительного дефицита авторитарной центральной власти². В этом смысле «вторыми» можно считать многие мегаполисы начала XIX века, которым удалось избежать участи быть столицей, но которые сопоставимы с «первыми» своими территориальными и экономическими масштабами.

«Вторичность» Гюмри-Ленинакана несколько иного порядка. Хотя формирование Гюмри как города также приходится на XIX век, однако его появление и бурное развитие связано не с расцветом «капиталистической экономики», как в описанных Б. Рублом случаях, а с военным продвижением России на юг, что повлекло за собой строительство оборонительной крепости и гарнизонного городка, призванного обслуживать армию. На месте сельского поселения с 70 жилыми домами возник город³, который в течение одного века быстро заселился эмигрантами из городов Западной Армении (Карса, Эрзума, Баязета). Переселенцы имели относительно однородный социальный состав, это были в основном ремесленники и торговцы. К концу века в городе насчитывалось уже 3825 домов, а население достигло 25 000 человек⁴. Как в описанных Б. Рублом городах, здесь также сформировался «прагматический плюрализм», но несколько своеобразный. Поскольку город заполнился эмигрантами одного социального класса, то соответственно престижные районы или кварталы трущоб в городе не сегрегировались. Разбогатевшие ремесленники и торговцы на глазах превращались в успешных коммерсантов. Они жили по соседству с бедными и малоимущими горожанами, с которыми сложились соседские и цеховые отношения (часто ремесленники одной профессии селились рядом). Управление и развитие города во многом определялось договорами между ремесленными братствами и чиновниками, некоторые функции полицейского надзора также были переданы ремесленным цехам. В этом смысле город напоминал «вторые города» в понимании Б. Рубла, где «относительное отсутствие прямого государственного вмешательства оставляло место для индивидуальных компромиссов и стратегий лидерства, столь необходимых для появления прагматического плюрализма»⁵.

Однако в данной статье на примере Гюмри рассматривается не «прагматический плюрализм», а другие характеристики «вторых» городов, сопоставимые с семантическим толкованием «вторых» людей, исследованных московским филологом Арменом Григоряном⁶. В его работе эти признаки часто распространяются на разные объекты, в том числе города. Анализируя большой

¹ Ruble 2001, 18.

² Ruble 2001, 18.

³ Гюмри официально объявлен городом в 1840 г.

⁴ Матевосян С.Г. Ленинаканские жилые дома городского типа в XIX веке // Историко-филологический журнал, 1972, 3 (58), с. 169 (на армян. яз.).

⁵ Blair A. Ruble, 2001, p. 18.

⁶ Григорян А. Первый, второй и третий человек. М.: Языки славянской культуры, 2008.

объем художественной и публицистической литературы, А. Григорян выделяет дихотомию признаков, приписываемых соответственно «первым» и «вторым»: естественный / искусственный, природный/социальный, простой / сложный, устный / письменный, центр / периферия (граница), физическая власть (царь, президент) – духовная власть (религиозный вождь, идеологический лидер), мужской / женский, победитель / неудачник, унаследованная (законная) власть – революция (милитаристичность), искусство / ремесло, творчество / наука, жизнь / смерть, путь / дорога, народ / власть и т.д. Если обобщить эти пары, то общими признаками «первых» станут естественность, целостность, имманентное лидерство, а «вторых» – искусственность, трудолюбие, соревновательность, исходящая из навязчивого желания занять место первого. В зависимости от ракурса оценки той или иной ситуации эти признаки можно обнаружить в одном и том же поселении, приписать его различным социальным слоям, а в некоторых случаях даже распространить на определенные архитектурные ансамбли (например, площади) исходя из их урбанистических функций и отношения к ним городских жителей. Случай Гюмри интересен тем, что город активно позиционирует себя как «второе» поселение¹, на разных этапах истории вкладывая различное содержание в это «второе». Хотя, как уже отмечалось, «вторая позиция» Гюмри четко была определена лишь в советское время (когда появился свой «первый» – Ереван), многие вышеприведенные признаки «вторых» можно обнаружить и в досоветской истории города. Впоследствии образ «второго», приписанный Ленинакану, распространился как на мифологизированную историю города, так и на новый Гюмри, который создавался после разрушительного землетрясения 1988 г.

Статья написана по результатам полевых исследований, проводимых в Гюмри с 2006 г. Представленные здесь данные обобщают материал около двадцати глубинных и проблемно-ориентированных интервью как с рядовыми жителями города (новых и старых кварталов), так и с представителями армянской диаспоры, имевшими опыт работы в Гюмри после землетрясения (1988 г.). Были проведены около пятнадцати экспертных интервью с архитекторами, художниками и представителями городской администрации Гюмри. Эти данные сопоставлены с некоторыми гюмрийскими публикациями, представляющими «локальный» взгляд на город, чаще позиции местных властей². Тексты власти были дополнены рекламами предвыборных кампаний, телевыступлениями, интервью и документальными фильмами, заказчиком которых выступал муниципалитет. Неофициальный «локальный» взгляд в определенной степени можно фиксировать также по местным теле- и киноматериалам.

Двойные названия второго города

Ленинакан, как и многие его жители, часто носил одновременно два имени: неофициальный («народный») и официальный варианты. Исторически

¹ См. Шагоян 2010, 160–181.

² См. Азатян В. Ленинакан, Ереван: Издательство ЦК КП Армении, 1989; Гюмри: город и жители. Гюмри, 2009.

первое наименование этого поселения, Кумайри, связывается либо с киммерийцами (VIII век до нашей эры)¹, либо с хурритским богом зерна². В XIX веке город-крепость получила название Александрополь, а в 1850 году это поселение стало центром Александропольского уезда Эриванской губернии, при этом жители города его обычно сокращенно называли Алекполем. Название «Гюмри», как переозвученное под влиянием турецкого языка древнее «Кумайри», бытующее среди эмигрантов из Баязета, Карса и Эрзрума, до последнего переименования (в 1991 году) практически не было официальным названием города. Получается, что в историческом ряде Кумайри – Гюмри – Александрополь «Гюмри» отсутствует или бытует неофициально наряду с Кумайри, а затем с Александрополем, поскольку переименование Кумайри в Александрополь в 1837 году не имело этого посредующего звена³. «Ленинакан» тоже имел «народное» прочтение, его обычно выговаривали «Леннакан». Редуцирование «и» позволяло видеть в названии города корень «len» – ширакский диалектный вариант армянского «lain» («широкий»), что ленинаканцами часто обыгрывалось в качестве шутки: «Название нашего города от слова “len”, поскольку у нас и сердца широкие, и рты». Заметим, что «широкоротость», вернее «большеротость»⁴, является стереотипной чертой образа гюмрийца-ленинаканца, которому приписывают остроумие, несдержанность в выражениях и хвастовство. Видимо, «большой, широкий рот» воспринимается как «необходимый атрибут» при указанных качествах (многие гюмрийские анекдоты, обыгрывая эту метафору, отсылают к указанному признаку как физическому). «Широкое сердце» отсылает к другой стереотипной характеристике – щедрости и стремлению жить на широкую ногу. Заметим, что в дихотомиях, присущих «первым» и «вторым», выделенных А. Григоряном, юмор, смех⁵, как и широта (противопоставленная узости)⁶, выделены как признаки «первых».

В 1990-х годах на волне национального движения, повлекшего за собой замену советских названий армянскими досоветскими аналогами, решением городского совета Ленинакан был переименован в Кумайри. Но неблагозвучность этого названия (в частности, близость *ku* к *k'u* – «твою», *mair* к «мать», воспринимаемых как ругательство)⁷ и якобы трудность падежного склонения формы «кумайриец» привели к тому, что вопрос о названии был выведен на городской референдум и в сентябре 1991 года решен в пользу «Гюмри». Таким

¹ Там же, с. 23–27.

² Петросян А. Кумайри в контексте древних мифов Армянского нагорья // Ширакский центр арменоведческих исследований: Научные труды. Гюмри, 2004. Вып. 7. С. 5–9 (на армян. яз.).

³ Исторические реконструкции названия города см.: Сехбосян К. Из истории поселения Кумайри // *Кумайри*: 1991, 4 июня (на армян. яз.); Сехбосян К. Исторический факт на референдум? // *Азг*: 1991, 19 окт. (на армян. яз.).

⁴ Ср. анекдот: «Для чего ленинаканцу уши? Ответ: для ограничения рта».

⁵ См. Григорян А. Указ. соч. С. 52–53.

⁶ Там же. С. 357–358.

⁷ Abrahamian L. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda. 2006.

образом, после землетрясения город пережил на уровне названий циклический повтор своей истории: Кумайри – Гюмри, где столкнулись официальная и народная версии названия города, но зарождающаяся демократия (в виде референдума) решила спор в пользу последней¹, отказавшись от названия, где слышно слово «мать» (*майр*), в пользу фонетически «более грубого» (ср. «мужского») варианта.

Наличие двойных (официальных и неофициально-народных) названий города выдает как минимум две перспективы его восприятия. Эти два во многом противоположных взгляда проявляются и при рассмотрении урбанистической истории Гюмри, в частности при определении различных стратегий его застройки. Первый условно назовем «**местным**» (взгляд изнутри) «**снизу**» (народным, точка зрения рядовых горожан), второй – «**внешним**» (оценка города извне) «**сверху**» (видение города с перспективы властей). Объединение «внешней и властной» перспектив обосновано тем, что местная власть в Гюмри в досоветский и советский период была опосредованной и на деле наиболее важные решения по его застройке принимались или хотя бы утверждались «внешней» российской элитой². В постсоветский период, вернее сразу после землетрясения, ситуация изменилась. «**Местная**» городская власть («изнутри и сверху»), хоть и с оглядкой на новую «внешнюю» силу – Ереван, приобрела большую самостоятельность³, то есть возникла еще одна и очень действенная перспектива («местная», но сверху). После землетрясения и радикальных политических изменений (развала советской империи, установления национальной независимости) различные международные организации, как и армянская диаспора, причем часто неинституционализованные, получили «доступ» к застройке Гюмри, по крайней мере в качестве «гуманитарной помощи». Их взгляд и влияние на городской ландшафт условно назовем перспективой «**извне и снизу**» (международное сообщество). Итак, целью данной работы является анализ дискурса «первого» и «второго» городов с указанных четырех перспектив: изнутри снизу (городские жители), изнутри сверху (муниципальная власть), извне снизу (международное сообщество, диаспора) и извне сверху (центральная власть).

¹ Историю переименования Кумайри в Гюмри Левон Абрамян рассматривает в рамках анализа дискурса об армянской идентичности, считая, что здесь столкнулись парадигмы «древности» и «традиционности» города (Abrahamian L. Указ. соч. С. 45–46).

² Отметим, что Николаю I посылались ежегодные отчеты относительно текущего состояния строительства крепостей и без получения его одобрения работы не продолжались. Архивные материалы по этим донесениям подробно изучил и с нами любезно поделился этими сведениями гюмрийский архитектор Р. Егоян – главный архитектор Лениакана в 1961–1976 гг.

³ Если в советское время все проекты должны были получить одобрение соответствующих министерств, локализованных в Ереване, то постсоветское управление лишило, например, Министерство строительства реальных рычагов воздействия на строительство и архитектуру в регионах. – Полевой этнографический материал (далее ПЭМ), Гюмри, 2006, беседа с архитектором Ашотом Варданяном.

Из предложенных А. Григоряном многочисленных оппозиций, характеризующих «первых» и «вторых», мой полевой материал может послужить наглядной иллюстрацией к двум дихотомиям: устный / письменный и мужской / женский. Хотя остальные признаки «первого» и «второго» в той или иной степени также релевантны к собранному материалу, однако ограниченные рамки статьи поставили перед необходимостью выбора тех дихотомий, которые позволяют обобщить относительно целые локальные тексты¹, оставив за рамками настоящего анализа несколько интересных сюжетов², требующих работы более крупного формата.

Устный – письменный

Главной особенностью Гюмри, которая отличает его от других городов Армении и роднит с Карсом (ныне на территории Турции), – это сплав русского градостроительного планирования XIX века³ и местных строительных традиций (использование местных красного и черного камней, без покрытия штукатуркой, особый стиль украшения входов, окон, карнизов и т.п.)⁴. В этом эклектичном соединении можно выделить некоторые черты «второго», которые исходят в основном от российских градостроителей (ср. извне и сверху). Это, например, механический перенос (ср. копирование, дублирование) параллельно-перпендикулярной планировки, проведенной с севера на юг и с запада

¹ Мы используем «локальный текст» в значении «системы ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом». – Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический Форум. 2009. № 11. С. 227.

² Например, в данную статью не вошли сюжеты гюмрийских анекдотов, рассматривающих отношение Еревана и Гюмри как соответственно жаркого-холодного, центра-границы, наивных-смышленных и остроумных жителей, скупых-щедрых и пр.

³ Первый генплан Гюмри был составлен российскими специалистами в 1837 г. («План города Гумров вновь предполагаемому»), который предполагал строительство военной крепости для 15000-го гарнизона, церкви, около тысячи домов и кладбище. Второй российский генплан Александрополя был принят в 1905 г. («План существующего расположения Уездного города Александрополя Эриванской губернии с показанием предполагаемого урегулирования и распространения») и предполагал застройку города с 30000-м населением. – См.: Гюмри: город и люди / Под ред. В. Гукасян. Гюмри, Тигран Мец, 2009. С. 159–168 (на армян. яз.).

⁴ Матевосян С.Г. Указ. соч.

на восток, с полным игнорированием местного горного ландшафта¹ и возможностей ступенчатой планировки, присущей многим кавказским поселениям, когда кровля одного дома служила двором для другого. Именно так выглядели «сельские кварталы» Гюмри начала XIX века², которые, в отличие от новых «российских» улиц, были вписаны в его естественный рельеф. Тогда как в результате новой планировки многие гюмрийские улицы превратились в крутые спуски и подъемы (ср. улицы 14, 16). В то же время сочетание российского градостроительного плана и местных архитектурно-строительных навыков создало особый городской колорит. Как метко определил архитектор Р. Егоян, сложившееся поселение нельзя назвать ни русским, ни армянским, это особый «гюмрийский» стиль, который возник в результате эклектичных напластований, доведенных до некоего урбанистического почерка³.

Строительство города по изначальной планировке (по «письму»), а не в результате естественного роста, напоминает противопоставление А. Битова Москвы и Петербурга как «устного» и «письменного» городов: «...Разница московской и питерской речи в том, что Москва (недаром отсюда все время идут реформы русского языка!) – как слышится, так и пишется, а Петербург – как пишется, так и слышится. То есть Петербург по природе, даже по построенности города, – более письменный город, Москва – более устный»⁴. «Письменность» Петербурга (т.е. сперва идея, стройка и только потом заселение, *оживление*) наглядно отражена в петровском указе 1715 г.: «...чтоб никто против указу и без чертежа архитектурского нигде не строился», а дома, построенные «не по архитектуре» должны были быть немедленно сломаны⁵. Как и в случае с Гюмри, в Петербурге архитектура спускается сверху, подчиняя освоение нового пространства вкусам и требованиям элиты.

«Письменность» Гюмри, помимо изначальной («письменной») заданности российских градостроителей, выражалась и в особом отношении к генпланам. Во время международных фестивалей концептуального искусства, проводимых в Гюмри с 1998 г., генпланы города не раз становились «героями» тех или иных работ. Принятие нового постсоветского плана Гюмри было окутано множеством споров и интриг. Были мнения, что правительство его не утверждает только потому что не хочет, чтобы генплан Гюмри был принят раньше генплана Еревана⁶, кажется, что «первый» и «второй» города соревновались, кто из них окажется «первым» на бумаге. Хотя генплан Еревана был утвержден раньше гюмрийского, но на деле гюмрийский был составлен задолго до ереванского, что по оценке некоторых жителей является, хорошей иллюстра-

¹ Этим ценным наблюдением с нами поделился гюмрийский архитектор Рафаэл Егоян.

² См. например: Гюмри: город и жители, с. 159.

³ Из интервью с Р. Егояном. ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁴ Битов А. File на грани фола. Попуисьменное сочинение // Октябрь, 2005. № 10. С. 119; Григорян А. Указ. соч. С. 232–233.

⁵ Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение. 2007. С. 71–72.

⁶ ПЭМ, Гюмри, 2006.

цией истинного «первенства» Гюмри, тогда как Ереван – «первый» формально¹.

Первый советский генплан Ленинакана под авторством Д. Числяна появился после разрушительного землетрясения 1926 г., и по этому проекту были построены первые типовые здания города², заложив в «новом городе» основной принцип «коммунистического» градостроительства. В последующие годы Ленинакан постепенно приобрел черты советского мегаполиса с аэропортом, советскими «небоскребами», крупными промышленными комплексами (до землетрясения в Гюмри было около 40 промышленных предприятий)³. Город застраивался по достаточно стандартной урбанистической схеме: в центре были культурные и административные учреждения, вторая зона – жилые комплексы (спальные кварталы), окраина – промышленные предприятия. За небольшим исключением (например, текстильный комбинат занимал почти центральную часть города, поскольку был построен еще в 1920-х гг.). Ленинакан в целом соответствовал указанному советскому *письменному* канону градостроительства. Его символическая советскость обеспечивалась за счет обязательного «идеологического пакета», включающего соответствующие площади⁴, мемориальные комплексы («Вечный огонь», пл. Звезды, Маркса, мемориальный комплекс мать-Армения, парк Победы) и памятники вождям и героизированным большевикам (Ленину, Шаумяну и др.). Почти в самом центре Ленинакана появились неразличимые с перспективы жителя, но на бумаге достаточно ясно идентифицируемые серп (небольшая кольцевая, с бульварной улицей им. Кирова, которая составляла наконечник серпа) и молот (парк Победы, заканчивающийся Доской почета)⁵. Такое «чтение» города с высоты птичьего полета, было присуще многим советским урбанистическим проектам⁶. В коммунистической империи, видимо, важнее было иметь «письменно» правильный город, идею которого должен был распознать и одобрить не тот, кто в нем живет, а тот, кто смотрит на его чертеж (сверху), – поселения должны были ориентироваться на вкус в первую очередь *высших* московских чиновников.

¹ ПЭМ, Гюмри, Ереван, 2006.

² Варданян Г. Гюмри. Ер.: Тигран Мец, 2006. Кн. 1. С. 138.

³ Азатян В. Указ. соч. С. 49.

⁴ Проектируемые с тем расчетом, чтобы там можно было проводить, обязательные для советской ритуальной повседневности парады.

⁵ О такой интерпретации планировки этой части города нам рассказал гюмрийский архитектор Р. Егоян. Советскими разработчиками Ленинакана была группа архитекторов: М. Мазманян, Г. Кочар, П. Манукян, С. Карапетян, Г. Мурза. Но в руках новых архитекторов, по мнению архитектора Р. Егояна, планирование города не претерпело сильных изменений, самими значительными нововведениями были лучеобразные автомобильные магистрали, связывающие центр с периферийными кварталами и районами Армении, образовав семь различных въездов в город.

⁶ Так, например, в Ереване некоторые новостройки многоэтажных зданий были спроектированы так, что составляли русское «СССР».

В то же время видение архитектуры и планирования Лениакана не были лишены признаков, присущих «первым» городам. Главным образом это касалось местных проектов развития города («спутниковое» расширение), учитывающих ландшафтные и тектонические ограничения местности. Несмотря на то, что «всем управляла» Москва и без ее одобрения нельзя было воплотить крупные проекты, тем не менее новый план «спутникового» развития города можно считать не навязанным сверху (как планировку времен Николая I), а местной разработкой (инициативой снизу). Предложение расширить город за счет маленьких городов-спутников, с которыми старый город соединялся бы автомобильными магистралями и тем самым превратился бы в центральный перекресток¹, было обусловлено двумя причинами: во-первых, неблагоприятной сейсмологической картой Лениакана² и, во-вторых, окружающими город орошаемыми плодородными сельскохозяйственными землями, использование которых под строительство в советские годы рассматривалось бы как преступление («разбазаривание социалистической собственности»)³. Согласно одной из версий такого проекта, «спутники» Лениакана должны были появиться в направлении поселка Ахурян и села Бениамин (архитекторы А. Мириджанян, С. Калашян)⁴, то есть в юго-восточном и южном направлениях. По мнению других (архитектор Р. Егоян) развитие города должно было вестись в направлении села Арапи (юго-западное направление). Авторы последней разработки предполагали расселить здесь около 100–120 тысяч человек⁵. До землетрясения из этих проектов частично успели осуществить лишь застройку поселка Ахурян.

Ситуация резко изменилась в связи с разрушительным землетрясением 1988 г.⁶, которое не только расстроило планы «естественного» («спутникового») развития города, но и поставило перед необходимостью быстрого поиска решений дальнейшей судьбы города в целом. Задача как можно быстрее определиться с направлением городского развития была продиктована не только заботами о скором обустройстве оставшихся без крова людей, а, скорее, непродуманным заявлением первого лица советской империи М.С. Горбачева о восстановлении Лениакана за два года⁷. Подобные обещания «скорого вос-

¹ Что само по себе является признаком «первых» – см.: Григорян А. Указ. соч. С. 348–357.

² Из интервью с архитектором Сашуром Калашяном (ПЭМ, Ереван, 2006) – главный архитектор Лениакана в 1976–1989 гг.

³ Из интервью с архитектором Р. Егояном. – ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁴ Из интервью с С. Калашяном. ПЭМ, Ереван, 2006.

⁵ Из интервью с Р. Егояном. ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁶ Эпицентр землетрясения был недалеко от города Спитак, поэтому получило название Спитакского. Пострадал весь северный район Армении и особенно Лениакан. В результате этой катастрофы погибло около 25 000 человек.

⁷ Этот эпизод и некоторые другие характеристики образа «перестроенного» М.С. Горбачева дали повод антропологу Л.А. Абрамяну рассматривать его как правителя, соединившего в себе мифологические образы Отца и Сына, Ца-

становления» после катастроф многие первые руководители дают из самых благих побуждений и искреннего желания как можно быстрее помочь пострадавшим. Но если, например, в странах первого мира¹ такие заявления часто забываются и после начального шока наступает более трезвая оценка ситуации, то в империях (в том числе и советской), где «первые» не могли ошибаться, их любая непродуманная идея, как правило, находила путь воплощения. Достаточно вспомнить драматическую стройку железнодорожной ветки Москва–Петербург, необоснованно затрудненной только потому что Николай I, символически прочертивший на проекте линию соединения двух городов, случайно обвел контур своего пальца².

Двухгодичный срок, обещанный М.С. Горбачевым, при всем соблазне связать со «вторым городом», вряд ли имеет какое-то, пусть даже ассоциативное, отношение к иерархическому положению Лениначана. Это скорее всего условное обозначение «быстрого восстановления»: один год – слишком быстро и нереально, три года – слишком символично, а два года – это «максимально быстро и реалистично»³. Очевидно, что никаких предварительных расчетов для такого срока не проводилось, а его определение было ситуативным решением. Обещание М. Горбачева, как и ожидалось, было воспринято настолько серьезно, что определило весь дальнейший график восстановительных работ, и способствовало появлению двухгодичного «ритма» в событийной жизни города. Если в советское время принято было все планы определять по пятилеткам, то после обещания М. Горбачева в Гюмри многие важные события (фестивали, конференции) начали проводиться раз в два года (ср. Международный фестиваль – Биеннале концептуального искусства в Гюмри; Республиканская конференция «Культурно-исторические исследования Ширака»).

В декабре 1988 г., узнав о землетрясении, М. Горбачев прервал свой визит в США и прилетел в разрушенный Гюмри в сопровождении председателя совета министров СССР Н.И. Рыжкова⁴ и его заместителя Ю.П. Баталина, воз-

ря и Шута. См.: Абрамян Л.А. Перестройка как карнавал // Век XX и мир. 1990. № 6. С. 47–48; Abrahamian L. 2006. P. 198–201.

¹ Подобные заявления делал Буш-младший после урагана «Катрина» в Новом Орлеане (2005), но вскоре о его обещаниях благополучно забыли, и проблемами пострадавших занялись соответствующие институты в меру своих возможностей, особенно тяжело пришлось соседнему Техасу, принявшему значительную часть пострадавших. – Интервью с американским антропологом С. Григорян, после землетрясения некоторое время работавшей в Гюмри. ПЭМ, Ереван, 2006.

² Ср. с историей подписи И. Сталина посередине двух вариантов проекта гостиницы «Москва», что поставило строителей в безвыходную ситуацию, приведшую к тому, что оба варианта причудливым образом нашли воплощение в асимметричном фасаде здания. – См.: Паперный В. Указ. соч. С. 135.

³ Это толкование нам предложил антрополог Л.А. Абрамян во время частной беседы.

⁴ Н.И. Рыжков, председатель Совета министров СССР (1985–1990) стал почетным гражданином Гюмри. С 2002 г. его именем названа улица (бывшая им. Кирова).

главляющего Госстрой¹. Именно этим чиновникам пришлось искать пути превращения решения М. Горбачева, и на них легла ответственность выбора дальнейшего плана развития города. Поскольку строительство Гюмри всегда возглавлял Армгоспроект – институт, определяющий строительство в районах Армении, то Ю.П. Баталин в первую очередь предложил этому институту за очень короткий срок разработать нечто вроде генплана, позволяющего организацию быстрой стройки. По воспоминаниям архитектора Р. Егояна, в эти дни в ереванском Доме архитекторов собирались почти все доступные на тот момент специалисты (в том числе и некоторые гюмрийские)², споры длились почти до утра. Административная и партийная власти в этих дебатах не участвовали, они были задействованы в решении других безотлагательных вопросов. Итак, проблема решалась исключительно специалистами: предложение поступало от местных, решение принималось московскими.

Проект городов-спутников был отклонен по нескольким причинам. Во-первых, потому что для различных (и большей частью приехавших из РСФСР) строителей было привычнее и легче строить на ровном ландшафте³, а предлагаемые территории, хотя и имели лучшую сейсмостойкость, но рельеф был гористый, грунт каменистый. Соответственно закладка фундамента, казалось, требовала больше временных затрат. В Ленинакан были переброшены огромные строительные ресурсы (около 10 000 строителей со всего СССР)⁴, которые требовали большой и по возможности беспроблемной строительной площадки. И, наконец, третья немаловажная причина – попытка некоторых ереванских специалистов перехватить «лакомый кусок» работы и заработка. Именно из «Ереванпроекта» (который до того снабжал проектами лишь столичные, а не районные стройки) поступило неожиданное предложение отдать под строительную площадку редкие в Армении плодородные и орошаемые сельскохозяйственные земли, находящиеся к северу от Ленинакана. Аргумент гюмрийских архитекторов, что эти земли кормят весь регион Ширака и снабжают республику сахарной свеклой, Ю.П. Баталин отменил краткой репликой «Россия – большая» (СССР не стало через три года)⁵. Главный архитектор Гюмри, С. Калашян, добился того, что его выслушал Н.И. Рыжков, пытаясь остановить истребление сельхозземель новыми аргументами. Он указывал на мягкий грунт и глиняный слой этих земель, которые не подходят для сейсмостойких зданий (во время землетрясения глина плавится и фундаменты зданий начинают «плавать»), и требуется более глубокий фундамент (даже трехэтажные здания здесь нуждались в подвальных этажах). А это означало лишние затраты не только средств, но, что было особенно важно для московского руководства,

¹ Ю.П. Баталин – председатель Государственного строительного комитета СССР (1986–1989).

² Здание, где был расположен гюмрийский институт проектирования, находящийся в подчинении Армгоспроекта, также рухнул. Спасшиеся, но так или иначе пострадавшие специалисты большей частью не могли принимать участия в этих обсуждениях.

³ ПЭМ, Ереван, 2006.

⁴ Из интервью с Р. Егояном. ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁵ Там же.

времени. Н.И. Рыжков приостановил работы, предложив перебросить силы пока в Кировакан (третий город республики, также пострадавший от землетрясения), а сам попытался согласовать дальнейшие действия с Москвой. Однако через сутки сверху поступила директива продолжить стройку по уже утвержденному направлению, а главный архитектор Ленинакана, считая такое решение преступлением, подал заявление об уходе¹. Итак, как и во времена Николая I, локальный ландшафт был полностью проигнорирован, также как перспективы самостоятельного развития Армении. И «второй» город снова был подчинен «градостроительным» представлениям и предпочтениям «внешней» власти.

Выбор «Ереванпроекта» вместо «Армгоспроекта», по мнению некоторых гюмрийских специалистов, помимо прочего, был обусловлен и связями ереванских архитекторов с московскими (некоторые специалисты «Ереванпроекта» защищали свои диссертации в России, и у них сложились личные дружеские отношения с московскими коллегами). А в случае принятия уже готового и еще до землетрясения утвержденного нового генплана Ленинакана («спутниковое» развитие города в южном направлении) российские проектировщики, впрочем как и ереванские, не получили бы своей доли работы².

«Ереванпроект» предложил для стройки около 800 га плодородных земель, Москва умерила аппетиты проектировщиков до 200 га³. И 7 января 1989 года, буквально через месяц после землетрясения, когда еще в старой части города доставали из под развалин трупы и пытались расчистить улицы от разрушенных зданий, строительная команда из Чувашии в составе Минсевзапстроя СССР заложила основы первого дома нового ленинканского микрорайона. Несмотря на действительно небывалые в Армении масштабы строительства, этот микрорайон до сих пор не достроен. Развал СССР, блокада Армении со стороны Азербайджана, а затем и Турции, война в Карабахе, энергетический и экономический кризисы привели к прекращению строительных работ, и приехавшие на помощь Армении различные строительные организации из «братских республик» уехали, оставив после себя не только бетонные (с точки зрения местного населения непригодные для жилья) и большей частью неприглядные здания, но и вырытые котлованы и каркасы так и не воплотившихся в реальность зданий. Земли для использования в сельском хозяйстве были окончательно испорчены, а арматура недостроенных зданий в годы экономического кризиса была изъята и экспортирована.

«Письменный» (сделанный по директиве сверху) квартал-аппендикс стал «макетом» разваливающегося Советского союза, в котором рядом встали российские, узбекские, украинские, белорусские и др. дома, выстроенные (или недостроенные) в соответствующих архитектурно-строительных традициях этих республик.

Новый квартал, получивший название 58-й, так как до его появления в Ленинакане уже было 57 микрорайонов, а официально названный «Ани», оказался оторванным от города, поскольку прилегающие к нему части не ус-

¹ Из интервью с С. Калашьяном. ПЭМ, Ереван, 2006.

² ПЭМ 2006, 2007, Ереван, Гюмри.

³ ПЭМ 2006, Гюмри.

пели застроить, и этот интервал (например, 8-й городок, Муш-2) между старой и новой частями города вскоре образовал огромное пространство строительного кладбища (которое стали застраивать только с 2009 г.). Неслучайно, происхождение названия квартала «58-й» сейчас обычно интерпретируют как «58 га», якобы отданные под новые застройки (на деле гораздо больше). При таком толковании этот квартал воспринимается как автономный район, новый (второй) город по отношению к старому. Таким образом, задуманный сверху и извне (центральные власти, Москва) проект создал субгород во втором городе республики, по отношению к которому старая часть города исторически (хронологически) становилась первой.

Параллельно с советским обсуждались и осуществлялись международные и локальные варианты строительных проектов. Учитывая небывалый объем международной гуманитарной помощи (со стороны 113 стран), активную поддержку армянской диаспоры, часто обсуждалась возможность создания в Ленинакане особой свободной коммерческой зоны, некоего Мегалополиса, который вместо советского макета развернулся бы в некую модель мирового сообщества и символа солидарности (признаки «первых» городов). Однако эти предложения так и не дошли до серьезных разработок, а вместо них международное сообщество в качестве гуманитарной помощи стало застраивать Ленинакан временными строениями. Так, в Ленинакане-Гюмри появились австрийский, норвежский, итальянский кварталы, английская, французская, венгерская школы, итальянская и немецкая больницы, гостиницы и т.п. Такое архитектурное разнообразие Гюмри стало придавать ему черты, свойственные «первым» (центральным) городам. Гюмри, на деле являющийся пограничным, таможенным городом (окраиной, т.е. второй по отношению к центру), оказывается в «центре» людского внимания и международной благотворительности, обусловленных инициативой не только властей иностранных держав (извне и сверху), но и неправительственных организаций и отдельных людей (извне и снизу). Их застройки носят щадящий и уважительный к местной архитектуре характер. Будучи максимально комфортными для эксплуатации и неамбициозными в плане архитектуры, они легко и быстро демонтируются, чтобы в случае необходимости уступить место капитальным и более продуманным застройкам¹. Иначе говоря, советскому капитальному проекту «второй», а на деле и «вторичной», части Ленинакана (58-й квартал), сделанному в определенной степени для отчетности перед властями, противопоставляются временные, но удобные для эксплуатации² и в основном построенные в старой (первой) части города застройки³.

Для нового лица старого города не менее определяющим стало направление «извне и снизу» – застройки, профинансированные и контролируемые армянской диаспорой, среди которых необходимо выделить роль Фонда Линса, финансируемого американским миллиардером армянского происхождения

¹ Такую оценку этим стройкам дал гюмрийский архитектор А. Варданян. ПЭМ, Гюмри, 2006.

² Ср. специализированный для инвалидов австрийский городок.

³ Здесь я имею в виду «не домики для жилья», которые спонтанно покрыли почти весь город, а, скорее, общественные здания: школы, больницы и т.п.

Керком Кркоряном. В основном это были жилые типовые здания, отличавшиеся благоустроенностью. Более того, благодаря этому фонду гюмрийские проектировщики и строители ознакомились с международными строительными стандартами, за соблюдением которых следили американские или уже переобученные ими местные специалисты. Таким образом, посредством диаспоры город не только стал застраиваться домами «для людей», но и строители Гюмри прошли новую школу профессиональных знаний и новых навыков. Итак, взгляд «извне и снизу» можно разделить на две стратегии строительства Гюмри, определяемые соответственно международным (не армянским) сообществом и армянской диаспорой. Оба исходят из интересов в первую очередь рядовых жителей, а не властей или города в том смысле, что вопрос поиска оригинальных архитектурных решений в этих случаях почти не ставился. Но если международное сообщество предлагало в основном временные решения, то диаспора – относительно долгосрочные. При этом и те и другие застройку в большей мере вели в старой части города¹, занимая постепенно расчищенные и подготовленные под застройку относительно небольшие участки. В отличие от советского «письменного» проектирования, когда решение принимается сверху и не лишено идеологических мотиваций, проекты «извне и снизу» ориентированы не на отчетность (ср. «письменность»), а на непосредственные нужды жителей, переживших стихийное бедствие.

Мужской – женский

Строительство Гюмри в XIX веке начиналось с возведения оборонительных крепостей (1830–1837 гг.), во дворе одного из них была построена церковь, которую присутствующий при его закладке российский император Николай I назвал в честь св. Великомученицы царицы Александры Римской (погибла в 314 г.)². После этого город-крепость была названа Александрополем, но, как принято считать, на самом деле названной в честь жены Николая I – Александры Федоровны³, то есть «второго» после императора человека⁴. Наряду с официальным названием города существовал и «народный» сокращенный вариант – Алекполь, в котором скорее слышится мужское имя Алек, довольно распространенное в Гюмри (ср. имена известных гюмрийских фольклорных персонажей «фаэтонщик Алек», «Цитро Алек»), чем женское Александрия. То есть, если город с перспективы царской России виделся как «жен-

¹ Кстати, диаспоральные проекты в 58-м квартале также отличались тем, что это были попытки «спасти» квартал, создавая оазисы уюта: построены благоустроенные парки, большой храм.

² Гюмри: город и люди. С. 40–41.

³ Азатян В. Указ соч. С. 27.

⁴ Ср.: Григорян А. Указ. соч. С. 66–73. Согласно Армену Григоряну, «первым» и «вторым» являются не только царь и царица, но в целом в таком же ключе рассматривается более общая дихотомия мужской / женский. – См.: Григорян А. Указ. соч. С. 66.

ский» («второй»), то с точки зрения его жителей, местных, он был «мужским». «Мужской» образ Гюмри однозначно проступает в анекдотах¹, рекламе², спортивных предпочтениях («мужских» видов спорта)³, даже девушки-чемпионки проявляются тех видах спорта, которые традиционно считаются мужскими⁴, что, в свою очередь, усиливает в общественном дискурсе тему «мужского» и «мужественного» города, который часто выступает не только как первый, а как единственный⁵, что также является одним из «свойств» первого⁶. И так, на уровне названий города – официально «женского» (в корне Александрополю – женское имя Александрия) и неофициально «мужского» (в корне мужское имя Алек) – снова проступает схема официально «второй» (женский) и неофициально «первый» (мужской).

Когда в 1988 году в Ереване был введен комендантский час, на митинге в Ленинанкане объявили, что центр Карабахского движения перемещается из столицы в «отцовский» город. На армянском языке столица буквально означает «материнский город» (*mairaqaghaq* – «мать-город»), а Ленинанкан горожане любят называть «отцовским городом» (*hairaqaghaq* – «отец-город»). К этому каламбуру часто прибегает действующий мэр Гюмри⁷. Стоит вспомнить, что подобное распределение «семейных ролей» встречается и в русской «городской» мифологии: «Москва-матушка», «Петербург-батюшка»⁸. То, что Гюмри является «городом-отцом», не раз отмечалось и во время репортажей 7 декабря по поводу годовщины землетрясения. Причем за последние несколько лет, после того как это определение прозвучало из уст гюмрийского мэра, оно стало

¹ Ср.: Однажды Полоз Мукуча (гюмрийский знаменитый фольклорный персонаж) спрашивают: откуда он. Тот отвечает: «Слушай, что за наивные вопросы ты задаешь, откуда еще бывают мужчины?!» (Геворкян Г. Веселые ленинанканские беседы и истории. Ереван: Айастан, 1989. С. 169 (на армян. яз.)).

² Ср. рекламу гюмрийского пива «Гюмри», которое предполагается «только для мужчин».

³ Еще в советское время ленинанканцы не раз становились чемпионами в различных международных соревнованиях по тяжелой атлетике, греко-римской борьбе, самбо, а семикратный чемпион мира ленинанканец Юрий Варданян занял особое место в риторике городского патриотизма. Хотя в одном из анекдотов на вопрос «почему Юрий Варданян стал олимпийским чемпионом» гюмриец отвечает: «А потому что послали его, послали бы другого гюмрийца, чемпионом стал бы тот» (Геворкян Г. Указ. соч. С. 169).

⁴ Последний спортивный фурор был связан с именем дважды чемпиона Европы (2007, 2008) гюмрийской штангистки Мелине Далузян.

⁵ Ср. гюмрийский анекдот: «Харле Сероба (гюмрийский фольклорный персонаж) спрашивают, был ли тот в Париже. “А как далеко он находится от города?” – спрашивает тот. “Не понял, от какого города?” “Слушай, а разве в мире есть еще другой город [кроме Гюмри]?”» – Геворкян Г. Указ. соч. С. 169.

⁶ Ср. Григорян А. Указ. соч. С. 40–41.

⁷ Цитата из фильма «Город надежды» (2003 год) Сатеник Кахзванцян, фильм сделан по заказу мэра.

⁸ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 132.

еще одним нарицательным названием города и из площадного переключало в официальный дискурс.

В советские годы первым секретарем ленинканского горкома компартии (в 1979–1988 гг.), что тогда на деле означало «истинный хозяин города», была женщина – Донара Асканазовна Арутюнян. Как известно, подобные посты в советской империи часто были квотированы. Советский идеал о гендерном равенстве¹, если и допускал на первый пост женщину, то только во «втором» городе, что, с одной стороны «провозглашало» ее право также быть первой и равной мужчине, а с другой, как раз наоборот – быть первой только среди вторых или быть «строго второй», близко стоящей к первому. Недавно оставила пост губернатора Ширакского марза, центром которым является Гюмри, единственный пока в Армении женщина-губернатор (Лида Нанян). Думаем, что ее назначение (пост губернатора невыборной) – не мистическое совпадение («женского» и «второго»), а своеобразная инерция советских правил, которые время от времени проявляются в управлении постсоветской Арменией.

«Мужским» и «женским» с определенной долей условности можно назвать две площади Гюмри: пл. Вардананка (бывшая Майского восстания) (рис. 1) и пл. Независимости (бывшая пл. им. Ленина) (рис. 2). Площадь им. В.И. Ленина по своим размерам и популярности всегда уступала площади Майского восстания, где проходили парады, находились здание горсовета, самый большой кинотеатр города, два храма. Одним словом, эта площадь была более значима как культурно-административный центр. Она сформировалась вскоре после землетрясения 1926 г. по проекту главного архитектора Д. Числяна, а некоторые его здания (например, кинотеатр «Октябрь», гостиница) до сих пор являются важными составляющими этой площади. Площадь им. Ленина возникла гораздо позже, в 1954 г. по проекту архитектора М. Григоряна, а ее наиболее значимыми элементами стали памятник В.И. Ленину (работа известного скульптора С. Меркурова, кстати, гюмрийца) (рис. 3) и здание горкома (архитектор З. Бахшинян). Таким образом, между площадями функции были четко разделены: на первой люди гуляли (парады), отдыхали (кинотеатр, гостиница, фонтаны, кафе), а на второй «отчитывались» (горком), клялись в верности вождю (у памятника принимали в пионеры). Соответственно, первая площадь, помимо того, что исторически является первой, она и функционально ближе к семантике «первого» (ср.: народность, праздничность, свобода, мирское управление), тогда как вторая площадь таковой является не только по времени возникновения и масштабам, но и тем, что функционирует как средоточие идеологии, что является признаком «второго» (ср. оппозицию: мирская власть: царь, президент / идеологическое руководство: духовные лидеры, религиозный вождь, партийные лидеры). В том же семантическом ряду находится и «образование» (как связанное с /на/учением,

¹ Лучше всего советские представления о положении «первого» и «второго» как «передового мужского» и почти равного, но тем не менее слегка «отстающего женского» передает скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница», где передовой рабочий класс воплощен в образе мужчины, тогда как, с точки зрения коммунистов, менее сознательный класс крестьян – в женском образе.

обучением – ср. «повторение – мать учения»)¹. Неудивительно, что все постсоветские трансформации этой площади происходили в рамках «вторых» понятий (идеологический лидер, духовный лидер, образовательный центр). После того как был снят памятник В.И. Ленину, пустующий пьедестал в центре города стал ассоциироваться с руинами (ср. «руины советской идеологии»). Когда после провозглашения независимости на всем постсоветском пространстве стали снимать памятники Ленину², мэр города решил символ советской идеологии заменить новым постсоветским, был объявлен конкурс, на котором больше обсуждалась работа скульптора-концептуалиста А. Варданяна, изображающая ангела, побеждающего искусственного демона. В своем проекте скульптор выполнял не только обязательное условие конкурса – сохранение постамента, но и концептуально вбирал образ Ленина как одного из искусственных демонов, которых люди сами выдумывают и потом начинают с ними бороться³. Однако для нового мэра более верным решением показалось олицетворение победы новой идеологии над старой, а такой идеологией для него стало христианство⁴, поэтому место Ленина заняла статуя св. Богородицы (работа А. Папяна). Однако католикос⁵, усмотревший в этой замене профанацию святого персонажа и несоответствие скульптурной традиции армянской апостольской церкви, не согласился с этим проектом. Последовало «исправление» памятника: со статуи убрали нимб, и Богородица преобразилась в обычную женщину на фоне христианского символа – креста, а памятник был переименован в «Армянку» (рис. 4). Итак, после неудачной попытки «христианизировать» площадь по решению мэра (т.е. опять же сверху) она приобрела «женское» лицо. Параллельно площадь стала спонтанно застраиваться учебными заведениями (два университета: им. Ширакаци и «Прогресс», Академия искусства) и де факто получила функцию образовательного, студенческого центра, куда новый памятник концептуально не вписывается. Диссонанс легкой скульптуры на монументальном пьедестале, оставшемся от памятника Ленину, стал причиной того, что новую скульптуру пренебрежительно называют «бабочкой», «висячей скульптурой», «пустым местом», «фрау Ленин». Несмотря на отторжение советского, горожане неосознанно продолжают воспринимать город в рамках традиций советской урбанизации. Поэтому споры о том, какой памятник должен стоять в бывшем идеологическом центре города, остаются

¹ Григорян А. Указ. соч. С. 278–284.

² О демонтаже памятника Ленину в Ереване, который вылился в ритуал, см.: Абрамян Л.А. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. Tomus XX. Sapporo, 2003. P. 30–34.

³ ПЭМ, 2011, Гюмри.

⁴ Кстати, в Ереване тоже место памятника Ленину в 2001 г. занял огромный крест, который водрузили по поводу празднования 1700-летия принятия в Армении христианства, но в Ереване изначально было решено, что замена памятника крестом временная. Сейчас место креста на ереванской площади занял рекламный щит.

⁵ Католикос – титул патриарха Армянской апостольской церкви.

актуальными и сегодня. Хотя для городских властей этот вопрос, кажется, закрыт.

Во время полевой работы многие мои собеседники высказывали мнение, что уместнее было бы здесь установить памятник конкретному человеку, и чаще всего назывался Анания Ширакаци – мыслитель VII века, родом из этого региона (Гюмри входит в провинцию Ширак). Его именем названа одна из центральных улиц Гюмри, а в Ереване установлены два его памятника (около университета и Матенадарана – музея рукописей). Проект памятника этому средневековому мыслителю для установки в другом месте появился еще в советское время. Однако гипсовая скульптура была разрушена во время землетрясения и автор, Самвел Петросян, по своей инициативе вернулся к этой теме спустя 20 лет, переделывая макет памятника для площади Ленина. Монументальная 6-метровая скульптура должна стоять на поднимающейся из земли полусфере (общая высота монумента около 8 м), тем самым подчеркивая особую заслугу ученого, который еще в VII в. высказал предположение о шарообразности Земли. Несмотря на несогласие скульптора, мэр города решил установить памятник Ширакаци на небольшом пятчке перед частным торговым центром (который уже лет 10 никак не достроят) на улице Ширакаци (рис. 5), а не на площади Ленина. Желание гюмрийцев видеть в бывшем идеологическом центре города именно этот персонаж говорит о том, что локальная идентичность горожан строится в контексте национально-исторического («первый» значимый местный персонаж), к тому же «мужского», а не христианского дискурса. Впрочем, после установления самого памятника, который на фоне недостроенного здания выглядит несколько обездоленно, появилась кличка «Старик, получающий пособие» (*npastaru papik*), и персонаж ассоциируется не столько со славным прошлым, сколько с печальным настоящим.

В отличие от этой площади, другая, культурно-административная, оказывается перегруженной как идеологически, так и физически, хотя ее застройка началась гораздо позже пл. Ленина. Эта площадь сильно пострадала во время землетрясения. Рухнули несколько зданий советской постройки, заслонявшие храм Богородицы, у которого упали два купола, впоследствии установленные тут же перед входом в храм как часть мемориального сооружения в память жертвам землетрясения (рис. 6), другой храм (Аменапркич – «Всеспаситель»)¹ был почти полностью разрушен (рис. 7). Сильно поврежденное здание горсовета (рис. 8 а,б) известного архитектора Геворга Кочара впоследствии полностью снесли и на его месте построили абсолютно новое здание (архитектор Ашот Варданян), сохранив белый цвет советского здания (вместо прежней штукатурки был использован белый камень²) и повторив контур прежнего с дополнительными блоками по бокам здания (рис. 9). Повторение контуров

¹ О городском дискурсе относительно этого храма см.: Шагоян Г.А. Указ. соч. С. 176–179.

² Гюмрийцы по этому поводу шутят, что мэр воплотил мечту любого правителя – восседать в «Белом доме». Таким образом, он претендует на место «первого» в мире или стремится равняться на него. Однако, скорее всего, мэр Гюмри пытался использовать белый цвет как реплику старого здания горсовета.

разрушенных зданий при постройке новых стало особой данью образу старого города, своеобразной памятью места. Так, контур 10-этажного здания был воссоздан при постройке нового трехэтажного торгового центра на месте 10-этажки, перед которым и установили памятник Анания Ширакаци¹. Новое здание муниципалитета было расширено, что изменило архитектурную пропорцию площади. Кроме того, был сильно декорирован карниз здания, чтобы придать ему тем самым «армянскость». Все это полностью изменило лицо здания, которое неоднозначно оценивается жителями города. К тому же декорированный пояс напоминает похожий на правительственных зданиях пл. Республики в Ереване. Претензии мэра на столичность, репрезентацию национального здесь возобладали над стремлением «реконструкции» Лениакана-Гюмри до землетрясения. Националистические амбиции мэра наглядней отразились в установлении, по мнению многих, достаточно неудачного мемориального комплекса, посвященного ключевой в истории Армении странице – Аварайскому сражению (451 г.) под предводительством *Вардана* Мамиконяна (рис. 10) и соответственно площадь была переименована в «Вардананк»². Совпадение имен мэра (*Вардан* Гукасян) и борца за христианство V века, породили множество слухов о том, что мэр тем самым аллегорически поставил памятник себе самому, и потому мемориал стали пренебрежительно называть Вардаником Мамиконяном. Уменьшительно-ласкательная форма имени Варданик должна была не только принизить скульптуру и мэра, которого в неформальной беседе часто так называют, но и сопоставить последнего с фольклорным персонажем лениаканских анекдотов о глупом мальчике Варданике (ср. с анекдотами про Вовочку). Площадь, которая до установления этого мемориального комплекса, расходилась от фонтанов, то есть не имела никакой векторности и не вызывала «гендерных ассоциаций», теперь трансформировалась в «поле сражения», выводя на сцену одного из наиболее «мужественных» персонажей армянской истории. Интересно, что до этого площадь носила опять же «революционно-повстанческое» название – пл. Майского восстания (1920 г.), однако «революционная» идентификация этой площади властями остается оценкой только элит. И в советское время, и сейчас люди эту площадь чаще называют «центральной» или просто «площадь», что само по себе говорит о том, что она воспринимается как единственная или главная и соответственно к ней относятся как к «первой», без «половой» и иерархической идентификации. Тогда как власти своими амбициями на «первое» место еще больше подчеркивают позицию второго, мечтающего о месте впереди него. Просто удивительно, насколько последовательно мэр Гюмри пытается закрепить позицию города как «вечного второго», впрочем, очевидно, чтобы тем самым приблизиться к «первому». Это наглядно продемонстрировано в коллективной монографии («Гюмри. Город и жители», 2009), редактором которого является сам мэр, и

¹ Примечательно, что все 20 лет после землетрясения, несмотря на отсутствие этого здания, неофициальная топонимика города сохраняла за этим пространством название «район десятиэтажки».

² Массовое народное движение, объединившее весь армянский народ: дворянство, духовенство и крестьянство. Движение получило название в честь вдохновителя и лидера – Вардана Мамиконяна.

потому с уверенностью можно сказать, что изложенная здесь версия истории города и Армении – это в основном его личный взгляд и оценка. Согласно этой монографии, Гюмри объявляется «вторым» закавказским городом после Тифлиса в досоветское время¹, затем особая позиция «Гюмри», которая могла уступать лишь «первым» появляется во времена Багратидов, когда в регионе царствовал Ани, а до того Гюмри, или его древнейший вариант Кумайри, оказывается известным городом еще до того как был заложен урартийский Эрбунни (Ереван). Таким образом, чем дальше в историю, тем выше позиция Гюмри, и, что очень важно, «повышение» иерархической ступени получается в основном за счет соперничества с Ереваном. Очевидно, что гюмриец-мэр стал носителем образа Лениакана-Гюмри как «второго» города еще в советское время, когда его жители в той или иной мере осознавали и принимали эту иерархию, включившую лениаканцев в «ожесточенное» соревнование с Ереваном². Но советская инерция продолжилась и после провозглашения Арменией независимости, а «рядовой гюмриец», ставший «первым», возвел идеи о «втором» в ранг идеологии, и его претензии на «первое» место – это претензии как раз «второго», который хочет стать первым. Тогда как настоящий первый не ощущает себя в иерархическом ряду, он «первый», потому что единственный, он первый, потому что ни на кого не ориентируется и чутко прислушивается к самому себе.

Разница в видении города с разных позиций хорошо прослеживается в выборе «главного» памятника, посвященного землетрясению 1988 г., который должен был находиться рядом с храмом Всеспасителя – визитной карточкой города и еще одной «жертвой» землетрясения. Поэтому победивший на местном конкурсе памятник матери с ребенком был установлен перед еще недостроенным храмом (рис. 11). Однако к 20-летию землетрясения бывший житель Гюмри скульптор Фридрих Согоян (лауреат Ленинской премии, народный художник России), эмигрировавший в Москву еще в советское время, решил подарить городу свою версию мемориала. Заручившись поддержкой Н. Рыжкова, который является почетным горожанином Гюмри, и на средства в основном армян российской диаспоры, он изготовил мемориал в духе соцреализма, представляющий скопление множества фигур как пострадавших, так и спасающих (рис. 12). Доминирующими в комплексе стали образы советских спасателей, солдат, да и женщина, завершающая композицию наверху, антропологически напоминает скорее славянку. Таким образом, мемориал напоминает не только о трагедии и помощи мирового сообщества, но невольно вводит и социалистический контекст времени, когда случилось землетрясение, почему-то особо выделяя образ военных, придавая памятнику мужественность. Для установки этого мемориала прежде стоявший и победивший на конкурсе памятник женщины с ребенком без разрешения его автора перенесли в новый квартал города, 58-й городок, который стал некой «свалкой» для старого города, куда свезли не только часть строительного мусора, но фактически и «лиш-

¹ Гюмри. Город и люди. Гюмри, 2009. С. 430.

² Ср. распространенный сюжет гюмрийских анекдотов, где ереванцы пытаются их задеть и в ответ получают остроумное замечание, ставящее их впро-сак.

ние» памятники, тем самым закрепляя его позицию «вторичности» по отношению к старому городу.

Местные авторы также предлагали свои варианты памятников жертвам землетрясения. В частности, главный архитектор Лениакана С. Калашян с соавторами (Б. Арутюнян, М. Черкезян) предложили дорогостоящий проект мемориального комплекса (3 млн. долларов) (рис. 13), где благодарность мировому сообществу должна быть выражена в композициях музея. Сам музей являлся частью мемориального комплекса, структурно напоминающий мемориал жертв геноцида в Ереване (С. Калашян вместе с А. Тарханяном являются соавторами этого мемориального комплекса) (рис. 14), где можно было бы зажечь свечи. Тем самым поминовение жертв с кладбищ могло переместиться в город, который сам напоминал кладбище. И не только потому, что здесь было много погибших, но люди массово, за свой счет, стали устанавливать малые памятники жертвам землетрясения, причем как в старой части города, так и в новых кварталах, в парках, на тротуарах, во дворах домов и школ. Для борьбы с таким засилием «кладбищенской» памяти один из местных скульпторов – Альберт Варданян, упомянутый по поводу проекта на место памятника Ленину, предложил свой вариант мемориала жертвам землетрясения: на месте той же 10-этажки, которая имела широкую панораму, построить музей с огромной косой стеной, на которой были бы собраны все эти «дворовые» памятники. Тем самым он предлагал не только оригинальное решение нового памятника из «местного» материала, но и мистериально снимал траур с города, освободив его от сходства с кладбищем. А поскольку все памятники нашли бы свое место в «скульптуре города», по его мнению, родные погибших или авторы этих скульптур не обиделись бы на город. Вообще использование в качестве темы и сырья уже имеющийся городской ландшафт (памятники, здания) является особым подходом этого автора, да и авангардистов Гюмри в целом¹. Другой гюмрийский художник-концептуалист, Вазген Пахлавун-Тадевосян, попытался переосмыслить недостроенный и превращенный в «строительное кладбище» новый микрорайон, примыкающий к 58-му кварталу. Эту территорию он переименовал в «Метаполис», обыгрывая идею не воплотившегося международно-го Мегалополиса и одновременно *металлического* и *метафизического* города (со своими улицами, площадями, аэродромом и даже кладбищем), который он разглядел в железных каркасах заброшенного и одичавшего пространства.

* * *

Итак, оценки и стратегии развития и застройки Гюмри можно разделить на четыре перспективы: местная власть, рядовые жители, «имперская» (внеш-

¹ Тот же скульптор проявил свое «гуманное отношение» к «израненным» в результате землетрясения стенам одного из пострадавших зданий, «сшив» их железными прутьями на первом гюмрийском Биеннале 1998 г. (работа называется «Операционное вмешательство»). – См.: Шагоян Г. Мемориализация землетрясения в Гюмри // Антропологический форум. № 11. С. 352–353 (рис. 15).

няя) власть и международное сообщество. Если распределить эти перспективы по оси «первый»-«второй», то местная и «имперская» власти (взгляд сверху) будут, скорее, подчеркивать иерархическую систему городов и соответственно видеть в Гюмри признаки «второго» (ср. строительство по генплану, игнорирующему ландшафт и геологию, «женское» название города, феминистическая составляющая в управлении, «гендерные» образы площадей, переписанная история Гюмри с выделением ее «второй» позиции, мемориал в память жертв землетрясения для официальных ритуалов). А рядовые жители и международное сообщество, строя отношения в целом в горизонтальной перспективе, вне всякой иерархии¹, видят Гюмри «неким центром», которому присущи признаки, скорее, «первого» (генплан с учетом геологии и ресурсов для автономного развития, проект «Мегаполис», мужские неформальные наименования города, «маскулинные» образы площадей и города в целом, местные проекты мемориала, посвященного жертвам землетрясения, ориентированные на жителей города и т.д.). Причем эта «первичность» в свою очередь имеет два прочтения. В одном случае «первичность» исходит из позиции «единственного», а в другом, под воздействием уже советского дискурса, «первичность» по отношению к другим первым, и в первую очередь по отношению к Еревану.

Иллюстрации

Рис. 1. Площадь Майского восстания (ныне площадь «Вардананк»)

¹ Исключение составляет население Лениакана советского периода.

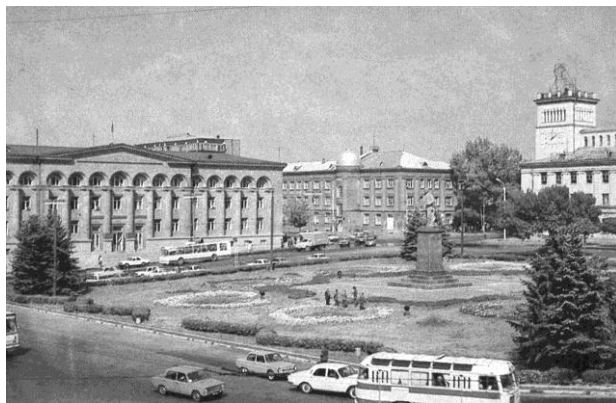

Рис. 2. Площадь им. В.И. Ленина (ныне площадь Независимости)

Рис. 3. Памятник В.И. Ленину, скульптор Сергей Меркуров, 1954

Рис. 4. Армянка, скульптор Артуш Папоян, 2002

Рис. 5. Скульптура Анания Ширакаци, скульптор Самвел Петросян, 2009

Рис. 6. Мемориал в память жертв землетрясения 1988 г.
(у храма св. Богородицы)

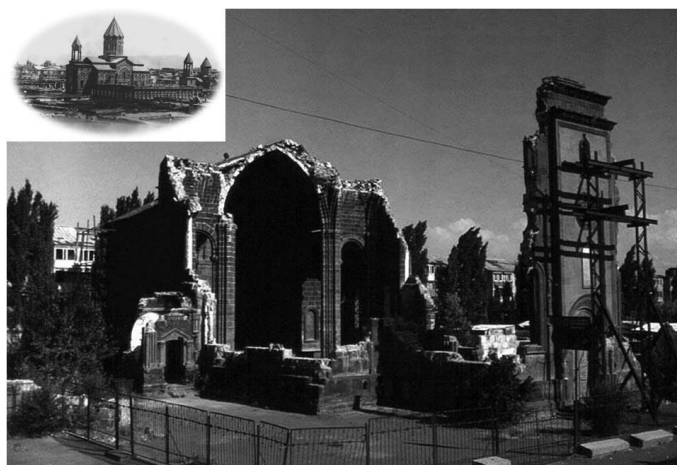

Рис. 7. Храм Всеспасителя после землетрясения 1988 г.
(вставка в верхнем левом углу изображение храма в начале XX в.,
до землетрясения 1926 г.)

Рис. 8а. Здание ленинканского горсовета до землетрясения, архитектор Геворг Кочар

Рис. 8б. Здание ленинканского горсовета после землетрясения, 1988 г.

Рис. 9. Здание гюмрийского муниципалитета, архитектор Ашот Варданян, 2010

Рис. 10. «Вардананк», скульптор Артуш Папоян, 2008

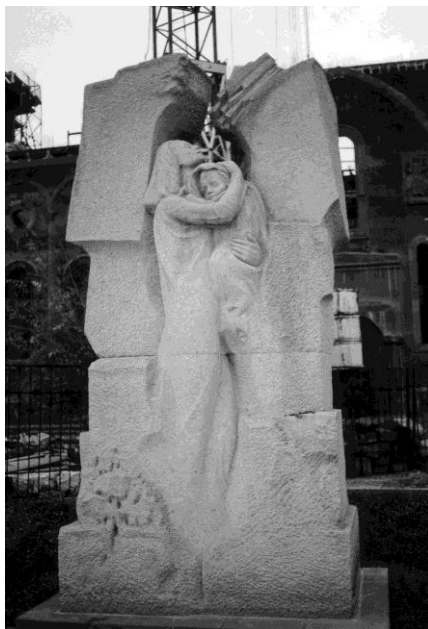

Рис. 11. Памятник жертвам землетрясения 1988 г.,
скульптор Завен Коштоян, 2004

Рис. 12. «Жертвам невинным, сердцам милосердным»,
скульптор Фрид Согоян, 2008

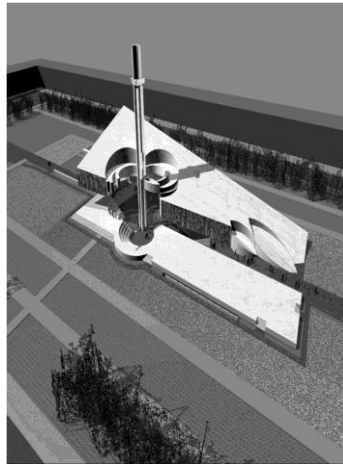

Рис. 13. Проект мемориального комплекса в память жертв землетрясения 1988 г. авторы Сашур Калашян, Баграт Арутюнян, Мгер Черкезян

Рис. 14. Мемориальный комплекс в память жертв Геноцида армян, авторы Сашур Калашян, Артур Тарханян, 1967

Рис. 15. «Операционное вмешательство»,
скульптор Альберт Варданян, 1998